

Штатный специалист по нестандартным ситуациям

РЯДОМ С ЛЕГЕНДОЙ

Валентину Терешкову знают все, а Нонну Малашину (урожденную Боровкову), к сожалению, немногие. Хотя она тоже перекопская, училась в той же школе № 32 и так же, как Терешкова, всю свою жизнь посвятила освоению космоса.

О Нонне Васильевне я узнал на встрече выпускников школы № 32. Первоклашек 1945 года собралось только двенадцать, как пошутила Нонна Васильевна, «шесть тонких и шесть толстых» да еще любимая учительница. Меня тогда поразило, что в одной школе почти одновременно учились сразу две космические ярославны и никто не знал о второй. Нонна Васильевна работала в ракетно-космической корпорации «Энергия», которой присвоено сейчас имя Сергея Павловича Королева. Должность звучная — специалист по нестандартным ситуациям, впрочем, и по штатным тоже.

Она оказалась человеком необычайно скромным. История ее будет понятнее, если начать вспоминать с 1940-х годов.

Мы смотрим с ней и ее сестрой Жанной Васильевной многие сохранившиеся фотографии той поры. Вот деревянный «домик-крошечка в три окошечка» по 2-й Овинной, тем не менее вмещавший: деда с бабушкой, тетю с семьей и собственно семью Боровковых из пяти человек. Дом военной поры помнится каким-то замороженным: окна заклеены крест-накрест бумажными полосками, к тому же их каждый вечер закрывали так тщательно, чтобы наружу ни одна щелочка света не пробилась. Бомбили ведь довольно часто, Жанна родилась в самый разгар одной из таких воздушных атак — в октябре 1941-го.

В семье часто вспоминают, как при первых сигналах воздушной тревоги брат постарше одевался сам, Нонну быстро собирал и одевал отец, а Жанну прямо в корыте, служившем одновременно люлькой и постелью, мама хватала на руки, и все стремительно мчалось в огород, где под яблоней дед вырыл землянку. Нонна до сих пор помнит, как ходила от взрывов земля ходуном и распалзлись доски их убежища, обшитого изнутри тесом. Казалось, еще немного, и их тут накроет всех вместе, как в братской могиле.

Если же взрослых рядом не было, то собирались все у печки, считалось, что в печь бомба не попадет.

Но вот конец тревоги, и они с братом мчатся на крыльцо, наблюдая фантастическое зрелище: в крошечной тьме только огненные всполохи от трассирующих пуль и снарядов, полощущих небо. Картина пугающая и завораживающая.

Отец, забравший военкоматом по причине язвы желудка, работал на ЯРТЭЦ начальником железнодорожного цеха и при воздушных тревогах, отправив всех в укрытие, хватал велосипед и мчался на предприятие. В одну из таких поездок по ночному городу его шарахнуло в ногу осколком разорвавшейся бомбы.

1945 год ознаменовался двумя событиями: Великой Победой и началом учебы. К учебе в семье Боровковых относились трепетно. Школа считалась местом особым, и ему надлежало соответствовать. Уж какая после войны одежда, а вот украсит мама платье белым воротничком, то кружевным, то с вышивкой, то с отделочкой, — и вид сразу нарядный. Может быть, поэтому к учебе Нонна всегда относилась как бы торжественно, любая оценка меньше отличной становилась трагедией — слезы до самого дома, да и дома не один ручей набегит. Начальную школу и семилетку закончила на «отлично», а на медаль вот не вытянула: получила на выпускных экзаменах четверки по сочинению и геометрии.

бенно обидной, ведь точные науки были, что называется, ее.

— Сделала все правильно, без единой ошибки и даже по-марки, но, как сказали, не дала объяснения своему решению. Дело, как я сейчас понимаю, было в другом. Одновременно выпускалось целых шесть десятых классов, от «А», как мы смеялись, до «Ж». Одиннадцать медалистов пришлось на этот выпуск, и семь из них — на наш 10-й «В». Нельзя было, наверное, дать столько медалей сразу, вот и придрались...

Нонна поехала поступать в Москву. Выбрала не что-нибудь, а знаменитый МАИ — Московский авиационный институт. Конкурс был восемь человек на место, и если москвичи могли пройти, набрав 24 балла, то

раметрам, что и для летательного аппарата.

Распределилась в Тулу. На оружейном заводе занималась моделированием ситуаций для управляемых противотанковых ракет. Работа нравилась, но очень скучала по Москве, к которой успела привязаться. Отдыхала душой в подмосковном Болшеве у брата, где и познакомилась с будущим мужем. Потом была свадьба, возвращение в Москву и работа там, где мечта превратилась в реальность, — в ракетно-космическом комплексе «Энергия».

Так на космической дорожке встретились жизненные пути двух ярославл. Правда, Нонна приступила к работе уже после полета Валентины Терешковой и видела ее всего однажды, как раз по возвращении из космоса, когда Терешкова вместе с С. П. Королевым приезжала, чтобы поблагодарить коллектив за создание надежной техники и качественную подготовку полета.

Что касается последнего, традиционно считается, что это

Человек и машина в работе все время рядом. Нонна со своими пятью вычислительными комплексами контролировала 200 параметров корабля и окружающей среды, готовая немедленно выдать нужные данные на борт по первому требованию: в космосе счет не на секунды даже, а на доли секунд, и каждая решает все! А если уж стыковка — ночами приходилось сидеть у своего стенда, слишком велики были ставки.

Такая на износ работа была характерна здесь для всех, от генерального конструктора до рядовых, штатных специалистов.

— Сергей Павлович, — говорит она, — буквально ведь сгорел на работе. Каким он был? Великим ученым и обыкновенным человеком, суеверным, например. Когда пришел в клинику на последнюю в своей жизни операцию, страшно переживал, что надел «не тот» костюм. И вот пожалуйста, не вышел из больницы.

Люди у нас все были с характером. Вот простой пример — Елисеев. Он со мной рядом работал, рядовым инженером, также только что из института, а добился, что попал на прием к генеральному, а это было отнюдь не просто даже для академика. Сказал: хочу полететь в космос инженером, чтобы наблюдать за работой систем непосредственно в полете. Королев поначалу довольно резко отказал: мол, много вас таких, да корабль — один. Но тот не сдавался, еще и еще раз являлся пред светлые очи генерального и добился своего, был зачислен в отряд. Наши же соотрудниками были и Рукавишников, и Феокистов.

— А как космонавты относились к вам, женщине?

— Да нормально. Пока не слетают, так вообще запросто. После полета, правда, отношение у некоторых менялось. Не у всех, конечно. С Феокистовым мы в одном отделе работали до конца: в столовой пока всех женщин не пропустит вперед, не возьмет себе обед, очень деликатный человек. Елисеев совсем другой. Мог прийти, проведи чистым платочком по боку машины и такую дать выволочку, невзирая на звание и должности, что только держись. Его боялись. Когда ушел на кафедру в МВТУ имени Баумана, а потом захотел вернуться, назад не взяла. Руководство понимало, что, конечно, он космонавт и человек знающий, но с людьми все же нужно обращаться иначе. Тем более что все мы работали от души, на полную катушку, без каких бы то ни было поблажек себе.

Что касается Сергея Павловича Королева, то он тоже был строгий, аж жуть, но такой справедливый, такой совестливый. Человеком для него всегда был важнее любой машины. Потому и любили его. Боялись и любили. Прямо как отца. Да он и был для всех нас, молодых инженеров, вместо отца.

В 1996 году Нонна Васильевна подала заявление на расчет. Родина распрадалась с ней отнюдь не как мать, а скорее как скупая мачеха. 34 года ответственного труда — и пенсия трамвайного кондуктора. Плюс квартира в городе Королеве — самая обычная двушка, да еще кооперативная, выкупленная за свои кровные.

Она ни на что не сетует. Наоборот, с улыбкой говорит, что жизнь складывается совсем не худо. Сын Павел закончил знаменитый на весь мир физтех и сейчас ведущий программист в одной из фирм, работающей на зарубежье. Уже побывал со своими программами во Франции, Ирландии. А с ней — любимый внук Ванечка, ему три с половиной года.

Нонна Васильевна не забывает Ярославль. Здесь, на улице Чехова, живет сестра. В Ярославле прошло детство, с которого все началось.

Николай КОЛОДИН,
член Союза

Нонна Васильевна с внуком Ваней.

иногородним требовались только крупные пятерки — 25 из 25.

Экзаменатор по химии, маститый ученый, хотел поставить ей четверку — она ни в какую, нужна, мол, только отличная оценка. Он возразил, дескать, задачку решила не так, как это предусмотрено школьной программой. Нонна стала доказывать — откуда только смелость взялась, — что есть и такой путь решения, итог-то верный. Преподаватель не сдавался, задал дополнительно два вопроса по органической химии, хотя программа ограничивалась неорганикой. Она ответила.

По остальным экзаменам пятерки были безоговорочные. После объявления результатов вернулась в общежитие, а там — сплошной рев. Из восемнадцати абитуриентов, живших в их комнате, поступили только две: Нонна и девочка-осетинка.

Училась на отделении авиаприборов, и когда подошла после двух первых курсов пора специализации, их группу замкнули на гироскопы. Ей же хотелось изучать системы управления полетами. К тому же «управленцы» и стипендию получали на сто рублей больше. Пошла к декану. Тот — «мало ли чего вы хотите», но добилась таки своего. То ли убедила, то ли просто «достала», она не помнит, но в конце концов перевели ее в группу «управленцев».

Дипломной работой стали «Системы управления катером на подводных крыльях». На непосвященный взгляд какая связь между авиасистемами и плавсредствами? Оказывается, самая прямая: катер на подводных крыльях не плавает, а летит,

происходит в Центре подготовки космонавтов. Но именно здесь, в НПО «Энергия», космонавты осваивали свои кабины и спускаемые аппараты.

— Приедут, бывало, — смеется Нонна Васильевна, — «валенки» в сторону, забираются в летательный аппарат, и начинается у нас нервотрепка. Мы вместе с ними на своих стендах проходили все этапы будущего полета, конструкторами сознательно создавались так называемые нестандартные ситуации, из которых космонавтам нужно было выходить самостоятельно и как можно быстрее.

Нонна в конструкторском отделе освоила аналоговую технику и перешла на стенд моделирования, где любые движения выражаются математически, что более понятно машине. Задается, к примеру, задача: вращение объекта (то есть космического корабля) вокруг центра массы. Она сообщалась космонавтам, те передавали на «землю» свои решения, а Нонна с товарищами проверяли их соответствие заданным и реальным параметрам.

Через их стенд прошли практически все космонавты первых этапов освоения космического пространства, вплоть до программы «Союз» — «Аполлон», за успешное проведение которой Нонна Васильевна была поощрена полетом в Крым: у РКК «Энергия» был свой самолет, и руководство отменило лучших работников конструкторского вот таким путешествием. В Крыму, кстати, Нонна впервые увидела в работе станцию наземного слежения, которая непосредственно вела космический корабль в по-